

Сарматия

Общие планы: окраина крошечного индустриального городишки, затерянного в степи, — квинтэссенция российской пустоши; стихия поглощает всё; убогая жизнь, ютящаяся в рассыпающихся панельках, вся исхлѣстана космическим ветром, вся обращена к беспредельности.

Действующие лица:

Гитаев

Степан Белоштан — местный предприниматель

Викторовна — бухгалтерша в собесе, женщина лет шестидесяти

Фаина — соседка Викторовны, лет на десять помладше

Фарид — шестнадцатилетний юноша

Призрак воина

Призрак жрицы

Пацаны: Ашот, Антон, Серый. Им лет по 10.

Сцена 1.

Кухня в квартире Викторовны: не роскошная, но уютная и чистенькая обстановка. За окном (подоконник уставлен банками с консервацией) — жѣлтая дымка; отодвинутая тюлевая занавеска покачивается от ветерка. Викторовна и Фаина чаѣвничают.

Фаина: С одним приезжим общалась тут. Интересный мужчина. С виду — обычный вроде, ни рыба ни мясо, а как заговорил — прям генерал. Командирский голос такой, строгий. И глаза как у военного.

Викторовна (размешивая сахар в чашке): С Москвы, что ли?

Фаина: С Питера, кажется.

Викторовна (прихлѣбывая чай): Питерские-то да... Культурные. Не то что москвичи. (Делает неприязненную гримасу.) Хватай мужика, Фая, в Питер тебя увезѣт. (Хихикает.)

Фаина (не то кокетливо, не то печально): Да ну тебя. (Берѣт из вазочки пряник, макает в чашку.) Если бы я помоложе была, может, что и вышло бы. А так... Чѣ ему со старухой. Да и женат, поди. Интересный всё же мужчина, таких девки мигом разбирают.

Викторовна: Звать-то его как?

Фаина: А он не сказал. Я, говорит, Китаев. Вот так сказал: я — Китаев. И всё. Говорю тебе: как военный.

Викторовна: Да какой ещё военный? Бандит. С Белоштаном какие-нибудь дела крутить будет.

Фаина: Или проверять прислали.

Викторовна: Тогда бы с Москвы прислали.

Фаина: Чѣрт их знает. Вон как перепуталось всё. Телевизор включаешь — не поймѣшь, что в стране творится.

Молчат. Пьют чай. Ветер колышет занавеску.

Викторовна: Время такое. Россия память потеряла.

Молчат.

Фаина: Слушай, Викторовна, я чего пришла-то. Сольки немного не дашь?

Викторовна: На. (Берёт с кухонного стола пачку соли)

Фаина (с досадой): Да не этой.

Викторовна: А!

Открывает шкафчик, шарит там, переставляет какие-то склянки, извлекает жестяную банку из-под чая, открывает её, отсыпает часть содержимого в полиэтиленовый кулёк и передаёт Фаине. Вещество в кульке — угольно-чёрного цвета.

Сцена 2.

Небольшой пустырь; из иссушенной бугристой земли, покрытой бледно-жёлтым войлоком колючек, торчит трансформаторная будка; чуть поодаль тянется ряд ржавых, облупившихся гаражей. Около гаражей Фарид упражняется с футбольным мячом; Гитаев стоит, опершись о стену трансформаторной будки и зажав в зубах незажжённую сигарету, и что-то записывает в блокнот. Мяч отскакивает от двери гаража и приземляется в паре метров от Гитаева. Гитаев закрывает блокнот, убирает его в карман и ловко ведёт мяч в сторону гаражей, как бы намереваясь забить Фариду гол. Фарид принимает вызов; пару минут они борются за мяч; Фарид зацепляется мыском кроссовки за прут арматуры, теряет равновесие, падает. Гитаев протягивает ему руку, помогает встать.

Фарид (отряхиваясь): Меня Фарид зовут. А вас?

Гитаев: Я Гитаев. (После секундной паузы.) Тимур Артурович.

Фарид: Вы с Москвы, да?

Гитаев: Я из... (спохватывается) Я с Петрозаводска. Это на севере, в Карелии. А мать у меня отсюда родом была.

Фарид: И как, интересно у нас?

Гитаев (серьёзно): Очень.

Фарид: Да ну, вы прикалываетесь. (Молчит, пинает мячик.) Я в Москву хочу. Или в Питер. Или в Казань. Ну на крайняк в Нижний. А здесь пи... Капец какой-то.

Гитаев: Это ты зря. Здесь очень интересно. (Пауза.) Расскажешь мне про этот район?

Фарид: Не, ну места у нас красивые. (Без энтузиазма) Я так-то родину люблю. Просто скучно, капец. Вообще делать нечего. (Пинает мячик.) Короче, вон там промзона (показывает) — это наш химзавод, вон там раньше речка была, я там рыбу ловил, а щас там металлобаза, её Белоштан держит. Там ТЦ “Фиалка”, это тоже Белоштан, там вон спецшкола, ну на самом деле это как зона для малолеток, вы поняли, короче...

Гитаев: А тут что раньше было?

Фарид: Тут, короче, ничего особо. Вон там — видите, заброшка? Это раньше что-то военное было, казарма или что-то такое. Мы с корешами там много всякого находили. Ремни, противогазы, подсумки... А сейчас там нет ничего, всё растащили. Днём там мелкие

пацаны тусят, а по ночам нарики. А... ну и вон там каменная баба стояла, древняя такая, ей лет тыща. Потом её Белоштан забрал. Типа в музей, но по ходу просто себе взял, я так понял.

Гитаев: Я знаю.

Фарид (с удивлением): Откуда?

Гитаев: Не знаю. (Спохватывается.) В газете читал, наверное. (Молчит.) Слушай, Фарид, а ты знаешь какие-нибудь местные легенды? Страшилки.

Фарид (оживляясь): Про всякую нечисть типа? Да их до фига. Короче... на промзоне, где химзавод... Там якобы крысы водятся размером с... с алабая. А где мечеть построили, там вообще приколы, там якобы инопланетян видят постоянно, прямо над минаретом. НЛО. Только это не тарелка, а такая штука вроде шара, что ли. Фиолетовая. Привидения — это понятно, это на кладбище в основном. Ну как... Не на новом, а на старом, это... В ту сторону, короче. (Машет рукой, указывая направление.) Одна баба тут есть... В этом, как его... собесе работает. Бухгалтерша. Она, короче, странная... ходит туда, и всегда по вечерам. Когда солнце сядет. Ну, про неё тут вообще много баек ходит. Или ещё вон там в степи забор стоит.

Гитаев: Кто стоит?

Фарид: Забор. Ну, “Запорожец”. ЗАЗ-968.

Гитаев: А. Ну да.

Фарид: И типа какие-то мелкие пацаны в него сели, типа поиграть. И домой не вернулись. Их везде искали, найти не могли, а потом менты пошли тот “Запорожец” проверять и на сиденьях нашли кости. (Ухмыляется.) Вот такое всякое рассказывают. Я, когда сам мелкий был, даже верил.

Гитаев: А сейчас не веришь?

Фарид: Я что, больной?

Гитаев: Ну и зря не веришь.

Фарид (насмешливо): А вы верите, что ли?

Гитаев: Ну как. Сказка — ложь, да в ней намёк. Ты же сам, наверно, замечал, что бывают такие места... (С нажимом.) *Странные*.

Фарид (задумавшись): Ну так-то да. (Пауза.) А вы кто? Писатель?

Гитаев: Не совсем.

Фарид (ухмыляется): Ну тогда шпион. Шучу.

Гитаев: Скорее, пограничник. (Пару секунд смотрит вдаль, прищурившись.) Слушай, если я завтра в это время приду, покажешь мне этот... забор?

Фарид (с некоторой растерянностью): Ну... я могу, конечно. То есть да, без базара.

Гитаев пожимает Фариду руку и не торопясь уходит. Фарид остаётся, лениво пинает мяч; мяч отскакивает от двери гаража со звонким шлёпающим звуком; освещение сменяется с красного закатного на лиловое — сумеречное; Фарид берёт мяч под мышку и уходит.

Сцена 3.

Фаина, одетая в цветастый халат и смешные тапки с мордами собачек, одна в своей квартире. Большая часть обстановки — ещё советских времён: стенка, платяной шкаф с зеркальной дверцей, кресло-кровать; всё уставлено горшками с комнатными растениями; горит лампа в зелёном абажуре; за окном — сумерки.

Фаина обходит комнату, посыпая углы чёрной солью из кулька, который дала ей Викторовна.

Фаина (бормочет): Из углов дома, по углам дома домовики, хозяевики... Столешники, угловые, потолочные... Соберите изо всех углов силу-силушку... На рабу Божию Фаинушку...

Лампа в зелёном абажуре начинает мигать, экран телевизора вспыхивает и гаснет. Фаина не обращает внимания на все эти вещи — давно ей привычные и несколько не странные.

Фаина: Чтобы не мучалась, не маялась... Слёз не роняла, не тосковала... Как соль горька, так силушка крепка... Слова мои за губы, язык мой на замок во веки веков.

Бибикает мобильный телефон. Фаина осматривается, вспоминая, куда его положила, находит, читает сообщение.

Фаина: Вам начислено пятьсот баллов. Спешите обменять их на скидку... (Горько улыбается. Кладёт телефон, прячет остатки чёрной соли в одной из секций “стенки”, достаёт оттуда же бутылку недорогой настойки и хрустальную рюмку. Наполняет рюмку, отпивает немного, ходит с рюмкой по комнате, осматривая цветы, что-то поправляя, смахивая пыль.)

Фаина: Магазин больше заботится, чем дети родные. (Отпивает из рюмки.) Дети, мать их за ногу. (Пауза.) Меня, что ли за ногу? Ну да, а кого ещё? Раньше вон как дети матерям говорили: матушка... А этим.... и дела нет. Сдохну, тогда приедут. (Пауза) Чтобы квартиру продать. (Пауза.) Хороший ты мой. (Гладит одно из многочисленных растений.) Ты чего удумал? Нетушки, ты у меня не засохнешь. Сейчас водички тебе налью. (Поливает цветок.) А мужик-то ничего... только непростой. Ох, непростой мужик. (Задумывается. Залпом допивает настойку, ставит рюмку на стол.)

Подходит к зеркалу, смотрит на своё отражение, распахивает халат, проводит руками по груди.

Фаина: Куда всё делось.

Молчит. Ласкает своё стареющее тело.

Сцена 4.

Гитаев лежит на кровати в номере дешёвой гостиницы, больше похожей на придорожный мотель. В его руках блокнот; окно приоткрыто. На тумбочке — пачка “Собрания” и бутылка минералки. За окном — чернота, в которой неприятно пульсирует розоватое зарево — видимо, от какой-то неоновой вывески.

Гитаев (читает вслух):

Распласталось поле, волосы распустило,
укрывая сёла, торжища и могилы,
площадную пыль и ссыхающуюся грязь,

чтобы вихри на них буянили и над нами
самострел-трава с цеплючими семенами
изобильно и безнаказанно разрослась,

чтобы стынь-трава повсюду заколосилась,
чтобы спрятались наша доблесть и наша милость,
притворившись липучей теменью нефтяной,
волчьей шерстью, плодовой гнилью, телесной вонью,
чтобы нашей правды больше никто не понял —
ни чужак, ни свой, ни пришлый, ни коренной;

чтобы местные не могли объяснить заезжим,
что за племя мы, что за племенем были прежде
и какие из нас рождаются племена, —
и кого из нас нужно клясть, а кого прославить,
и кого из нас будут помнить — и что здесь память —
что забвение — что бессмертие — что вина, —

что здесь память — что обретение — что потеря —
что здесь истина?..
Сердце варвара кто измерит?

Голос из-за окна: Сюда иди, я кому сказал! Сюда иди!..

Из-за окна доносятся звуки драки; визжит девушка; потом кто-то начинает кричать —
страшно, как будто его пытаются. Гитаев достаёт из пачки сигарету, подходит к окну. Стоит
молча, вглядываясь в мерцающую темноту.

Гитаев: Сердце варвара кто измерит. Мда.

Убирает незажжённую сигарету обратно в пачку, гасит свет, ложится (пружины кровати
взвизгивают от тяжести). Тишина. Окно бесшумно распахивается. Входит Призрак Воина
— на нём чешуйчатый доспех, на голове конусовидный шлем, из-под которого выбиваются
длинные волосы. На поясе лук с колчаном. Гитаев открывает глаза, садится.

Гитаев: Я тебя ждал.

Призрак Воина молча достаёт лук, протягивает Гитаеву. Гитаев некоторое время вертит
его в руках, разбираясь, как он устроен; наконец, понимает, что к чему, и безуспешно
пытается натянуть тетиву. На его лице выступает пот, вздуваются жилы, глаза
выпучиваются, словно вылезают из орбит, но сил ему не хватает. Гитаев кладёт лук на пол,
ложится, — скорчившись, как ребёнок, подтянув колени к животу, закрыв лицо руками.

Гитаев (не поднимая лица): Я ведь тебя ждал.

Призрак забирает лук и выходит в окно. Слышатся топот копыт, лошадиное ржание, —
стихающее, отдаляющееся; потом — крики, тупые удары, пистолетные выстрелы, снова
крики, автомобильная сигнализация.

Голос из-за окна: Васяна убили! Васяна убили!

Гитаев отнимает руки от лица, приподнимает голову, непонимающе смотрит в темноту,
натягивает на голову одеяло.

Сцена 5.

Заброшенное здание; стены изрисованы непристойностями, в трещинах перекрытий там и сям проросла трава, а кое-где — даже молодые деревца. В разбитых, полуобвалившихся проёмах клубится дымчато-жёлтый свет. На окне, свесив ноги наружу, сидят Пацаны; они передают друг другу полторашку дешёвого пива, из динамика телефона звучит российский хип-хоп.

Пацан 1: Тупая песня какая-то, вообще смысла не понимаю.

Пацан 2: Это потому что ты армяшка — в жопе деревяшка.

Пацан 1 (не обижаясь): А ты русский — в жопе узкий.

Пацан 2 даёт тычка Пацану 1. Начинают бороться, толкая третьего Пацана.

Пацан 3: Да харэ, блин. Кста, вы в курсе, что вчера ночью было?

Пацан 1: Замочили кого-то.

Пацан 2: Ваську Хмурого. (Тараторит) Он, короч, по ходу бабок был должен, ну, короч, вору в законе бабок торчал и не отдавал, его прессанули, а он начал бычить, ну, это ж Хмурый, он дерзкий по жизни, и его, короч... (делает жест руками, как будто сворачивает кому-то шею.)

Пацан 1: Ты это сейчас придумал?

Пацан 3: Серый, тебе кино надо снимать. (Отпивает пива.) Из-за бабы его вальнули.

Пацан 2: А ты откуда знаешь? Больше нас знаешь, типа?

Пацан 3: Мне старшаки сказали.

Пацан 1: Вот так все нормальные пацаны из-за баб и гибнут. У меня батя тоже говорит: все беды от женщин. (Отпивает пива, смотрит, прищурившись, в солнечную дымку.) Только мамка — молоток, а остальные все... буэ.

Пацан 3: Блин, Ашот, у тебя хоть мамка есть. А меня эта крыса задолбала уже. (Изображает визгливый женский голос) Анто-о-он, это что тако-о-е? (Сплёвывает, смотрит, как плевок летит в сорняки.) Нахера батёк женился?

Молчат. Солнце отражается в пластике бутылки.

Пацан 1: Гля, пацаны, тот чел идёт.

Пацан 2: Спорим, он мент? (Тараторит) Он, короч, под прикрытием работает, приехал Белоштана ловить, короч, из Москвы, зырь, зырь, как куртка топырится, сто пудов там кобура!

Пацан 3: А может, это он Хмурого грохнул?

Пацан 2: Точно!.. Его баба, короч, раньше с ментом встречалась, вот мент и приехал... Зырь, зырь, как он смотрит! У него как у снайпера взгляд! Он воевал, по ходу... на крыше лежал с винтовкой и такой... хдыщ... хдыщ (неумело изображает звуки выстрелов). Или из арбалета, прикиньте? Или из лука... Помните киношку, где чувак такой с ушами из лука по монстрам херачил? Вот у него взгляд такой же.

Пацан 1: Да ты задрал уже фантазировать. Тоха, ты слышал? Чувак с ушами. (Смеётся.)

Пацан 2 (насупившись): Армяшка — в жопе деревяшка.

Пацан 1: Русский — в жопе узкий.

Пацан 3: Пипец вы тупые.

Пацан 1 и пацан 2 (хором): Немец — в жопе перец!

Борются.

Сцена 6.

Степь за окраиной городка — вернее, ещё не степь, а её преддверие, загаженное отрыжкой цивилизации. Вдалеке дымит труба химзавода. Среди камней и бетонных ошмётков — ржавый, облупившийся остов “Запорожца” с остатками краски; от сидений остались только каркасы с клочками обивки, стёкла и фары выбиты.

Гитаев сидит на пассажирском сиденье, Фарид нерешительно топчется около водительской двери.

Гитаев: Садись давай.

Фарид: Да ну нафиг.

Гитаев: Только не говори, что боишься.

Фарид: Блин. (Садится на останки водительского сиденья)

Гитаев (закрывает глаза): Поехали.

Фарид (поворачивает несуществующий ключ зажигания, выжимает педали, переключает несуществующие передачи, изображает звук мотора): Рррррррррээээуууу...

Гитаев: Глаза закрой.

Фарид закрывает глаза.

Гитаев начинает негромко напевать странную песню без слов на протяжный, немного тоскливый и немного героический мотив: Хээээ-э-хэй-э-хэй-э-хэй-э-э-хэ-э-хэйя... Песня продолжается и продолжается; Гитаев покачивается ей в такт; вскоре начинает покачиваться и Фарид. Кажется, что автомобиль вибрирует.

Гитаев (обрывая песню): Так и будем плестись?

Фарид делает вид, что выжимает газ.

Гитаев: Говори.

Фарид (странным повзрослевшим голосом, с чистыми, без пацанской уличной ленцы, интонациями): Мы уезжаем от стойбища. (Пауза.) Степь вокруг. Кое-где костры. Лошади вперёд так и рвутся... Ветер хлещет, горячий, привольный... А впереди... Вдали... Дым столбом до неба... Или нет. Это женщина стоит. В облака головой упирается. У неё чаша в руках. (Замолкает.)

Гитаев: Не молчи.

Фарид: Чаша вся из золота, а в чаше кровь. Нет, лава. Или нет... это солнце в чаше, огромное, красное! (Подается навстречу своему видению.) Мама! Мама!

Гитаев: Всё. Тормози.

Фарид делает вид, что останавливает автомобиль.

Гитаев: Всё лишнее забудь.

Фарид (открывая глаза, своим обычным голосом): Блин, что-то я замечтался. (Ухмыляется.) Прикольная машина всё-таки. Жалко, что пропала. Мне вообще вот такие старые вёдра нравятся. Я в интернете видел, один парень их скупает, короче, реставрирует, а потом продаёт. Зарабатывает нормально так. Вот это прям мне нравится, я бы тоже так мог.

Гитаев (вылезая из автомобильного остова): Ну так давай. Здесь знаешь сколько таких машин пропадает? Вот и дело будет. И уезжать никуда не надо.

Фарид (тоже выбирается наружу): Думаете, получится?

Гитаев: Если захочешь — получится, конечно.

Фарид: Ну так-то да. (Молчит) У деда есть “Победа” старая, ну она вообще хлам, но кузов ещё ничего вроде. Надо на ней потренироваться. Так-то я не хочу отсюда уезжать никуда.

Гитаев: Ну вот. (Хлопает парня по плечу) Спасибо за компанию. Я прямо детство вспомнил. (Меняя тон.) А насчёт машины я тебе подскажу.

Фарид (как будто что-то осознав): Вам спасибо. Короче, если её чинить, то первым делом надо токаря найти, запчастей-то нет уже...

Уходят, беседуя. В заржавленном запорожце начинает тарахтеть мотор.

Сцена 7.

Кабинет Викторovны в беседе. Стены окрашены бледно-зелёной краской, в углу — фикус, на столе — календарь, вороха бумаг, старый пузатый монитор, древняя клавиатура и фигурка какой-то зверюшки в колпаке Деда Мороза — очевидно, новогодний сувенир. Викторovна пьёт чай и щёлкает мышкой, раскладывая пасьянс. Нерешительный стук в дверь.

Викторovна: Сегодня нет приёма.

Гитаев открывает дверь, входит в кабинет.

Гитаев: Мне бы с бухгалтером поговорить. (Пауза.) Это важно.

Викторovна: Я бухгалтер. (Присматривается к Гитаеву.) А вы — Китаев?

Гитаев: Гитаев я. (Протягивает Викторovне визитку.)

Викторovна (читает): Т. Ар. Гитаев. (Себе под нос.) Ну, вечно Файка всё переверёт.

Гитаев: Я кое-что наладить приехал.

Викторovна (буднично): Инженер, что ли?

Гитаев: Почти.

Викторovна (со значением): Или по другой части?

Гитаев: Я не бандит, если вы про это.

Викторовна: Я и сама вижу. Так чего хотели-то?

Гитаев: Говорят, вы тут... Как бы это... Ну, знающая. (Вспоминает подходящее слово.) Знатница.

Викторовна: Народ всякое болтает. (Подумав.) Так чего хотели-то? Если порча, приворот — лучше езжайте отсюда с Богом.

Гитаев: Нет. (Молчит, смотрит в пространство.) Эти места... они ведь память теряют.

Викторовна (прихлёбывает чай, смотрит пристально): А это ты Белоштану спасибо скажи. И всей этой шобле.

Гитаев: Я в курсе. (Пауза.) Мне она снится. Мать снится. Земля снится. Предки снятся какие-то. (Пауза.) Зовут меня. (Пауза.) Наша земля... она как будто на куски распадается. Память распадается, гниёт. Наши мифы... (Пауза.) Понимаете, что такое мифы, да? Легенды, из которых... мы состоим. Они вымирают. И народ... его ведь оболгали. Предали. (Пауза.) И этого не исправить. Но хотя бы что-то ведь можно. (Пауза.) Хотя бы по мелочи. (Пауза.) Я всяким вещам научился... в которые сам не могу поверить. (Пауза.) Меня с детства ко всему этому тянет. (Пауза.) Может быть, недаром у меня имя такое. (Пауза.) Но я не могу один. Поможете? (Поправляется.) Поможешь?

Викторовна: А нахрена ты приехал, если не можешь ни черта? (Беззлобно.) Снится ему. Как раньше говорили — гнилая интеллигенция.

Гитаев (не обижаясь): Чего-то не хватает. Я сам не могу понять. (Пауза.) Это что-то с женщиной связанное.

Викторовна: Дак правильно. Как ты землю почувешь, коли плотью с нею не связан? Ты плотью с её дочерью слепись. Тогда что-то выйдет, наверное... (Кладёт руки на свою пышную грудь, улыбается таинственно; провинциальная бухгалтерша словно исчезает, уступая место ведунье, осознающей всю древнюю мощь своей природы.)

Гитаев (без удивления и без энтузиазма): Что, прямо здесь?

Викторовна (принимая свой обычный облик): Не со мной. К Фаинке пойдёшь вон.

Сцена 8.

Гитаев в своём гостиничном номере, с неизменной незажжённой сигаретой в зубах и записной книжкой.

Гитаев (читает вслух):

У неё под грудью можно, как под курганом,
сотни лет проспать, — пока на ветру типчак
шелестит в степи и вспыхивает багряным
незачахнувший родовой очаг.
Там огонь горит, добытый её руками;
и сухая ласка плоти её живой —
словно хлеб горячий, выпеченный на камне,
первобытный,
солёно-сладкий,
бездрожжевой;

и гнездится свет — без предела и без начала —
в тёмном лоне её, иссохшем от маеты,
и сосцы её молоком кобылицы чалой,
молоком кобылицы солнечной
налиты.
На закате разбушевался ковыль за дверью.
Перекатами повалило через порог
поле дикое.
Сердце варвара кто измерит?..
Я измерить своё надеялся — но не смог.

Встаёт, подходит к окну, приоткрывает его. Всматривается в мерцающую темноту.

Гитаев: Кто бы подумал, что она может быть... *такой*.

Гасит свет, ложится (пружины кровати взвизгивают от тяжести). Тишина. Окно
распахивается. Входит Призрак Воина. Гитаев открывает глаза.

Гитаев: Я готов.

Призрак Воина делает жест рукой. Тем же путём, через окно, входит Призрак Жрицы в
высоком головном уборе, в одеянии, изукрашенном золотыми бляшками. С каждым её
движением бляшки издают еле слышный звон — вернее, звенящий шелест. В руках у неё
чаша. Гитаев принимает чашу из рук Призрака Жрицы, делает глоток, возвращает чашу.
Опускается на колени, целует подол призрачного одеяния. Поднимает голову.

Призрак Воина протягивает Гитаеву лук. Тетива натягивается легко, чуть ли не сама собой.

Гитаев: Вот оно что.

Призрак Воина вынимает из колчана стрелу, даёт Гитаеву. Гитаев прицеливается в
пространство. Призрак Жрицы берёт Воина за руку; они уходят беззвучно — так же, как и
пришли. Гитаев ещё некоторое время примеривается, приравливается к луку; затем
осторожно опускает его на пол, ложится (пружины на этот раз не издают ни звука, словно
его тело утратило вес) и засыпает.

Сцена 9.

Асфальтовая площадка перед дешёвым магазинчиком. Дневное солнце играет на
бутылочных осколках и блестящих фантиках, разбросанных вокруг урны. Фаина стоит чуть
поодаль, поглядывая на дверь; она явно кого-то поджидает и явно пытается это скрыть —
неумело и нескладно, как ребёнок, играющий в сыщика. Из магазинчика выходит Фарид,
рассовывая по карманам сдачу и купленную мелочёвку — банку лимонада, шоколадные
батончики.

Фаина: Фарид!

Фарид (оборачивается): Здравсте, тётъ Фая.

Фаина (подходит к парню, с материнским восхищением осматривает его): Ишь, как окреп
за лето. Скоро отца перерастёшь. Как у тебя дела? Как мама?

Фарид: Нормально.

Фаина: Я видела, ты с Тимуром... (пауза) Артуровичем ходил куда-то.

Фарид: Ну.

Фаина: Подружились с ним?

Фарид: Ну мы про машины говорили. Он мне пару советов дал.

Фаина: Ты его слушай, он человек грамотный.

Фарид: Да я понял.

Фаина (нерешительно): А он тебе про себя не рассказывал? Ну, кто он, что он...

Фарид: Да нет особо. Я его только спросил, вы татарин? А он говорит, я сармат. Я сначала не понял, думал, это по правде нация такая, потом погуглил — оказывается, сарматы вымерли давно. Это он пошутил типа. Ну он вообще такой... с юмором.

Фаина: Он грамотный. (Нерешительно.) Фаридик, можешь одно дело для меня сделать?

Фарид (нехотя): Ну, смотря какое.

Фаина: Как увидишь его — передай. (Протягивает холщовый мешочек.)

Фарид: Ладно. (Убирает мешочек в карман.)

Фаина: Маме от меня привет.

Фарид: Ладно.

Фаина уходит. Фарид достаёт из кармана мешочек, взвешивает в руке. Медлит несколько секунд, потом всё-таки развязывает шнурок, непонимающе смотрит внутрь, вытряхивает содержимое себе на ладонь. Из мешочка высыпается чёрная соль и вываливается клоч женских волос.

Фарид (с отвращением): Ёпт... (выбрасывает мешочек в урну, поспешно уходит, вытирая руки о шорты)

Сцена 10.

Офис Белоштана — по-провинциальному грубо претендующий на ультрасовременность: как бы скопированный дизайнером с второсортного американского фильма. Белоштан восседает в кожаном кресле, напротив него сидит Гитаев. Разговор, видимо, длится уже долго — оба собеседника заметно утомлены.

Белоштан: Тут пот проливаешь, чтобы цивилизовать это быдло, а толку ноль. Столько бабла ввалил.

Гитаев (прикрывая глаза и слегка покачиваясь, словно всадник в седле): Кембрий.

Белоштан: Говнотечку эту осушили. Хибары эти снесли, ТЦ построили. Так они ещё и воняют.

Гитаев: Ордовик.

Белоштан: Русских-то нет, сплошные чурки, как будто в ауле каком-то живёшь. Да и русские... только бухать умеют.

Гитаев: Силур.

Белоштан: Казалось бы — вот, на, богатства под ногами прямо. Страна, мать её, бескрайняя. Бери её, выжимай из неё деньги, пусть на тебя работает. Но нет. Мы лучше будем сопли на кулак мотать.

Гитаев: Девон.

Белоштан: Им камень дай — они камню будут молиться, как негры в Африке.

Гитаев: Карбон.

Белоштан: А ты говоришь — для людей. Какие здесь люди? Здесь свиньи одни.

Гитаев: Пермь. (открывает глаза) За них Матушка. (Пауза.) А за тебя кто?

Белоштан: А вот кто. (Достаёт из кобуры пистолет, показывает Гитаеву.) И вот кто. (Вынимает магазин, намереваясь показать Гитаеву патроны.) Тут по-другому не понимают. (Из магазина высыпается жёлтая пыль, образуя на столешнице кучку. Белоштан с изумлением трогает её пальцами, подносит к носу, рассматривает.) Это что ещё такое? Земля, что ли?

Гитаев: Земля, о которой ты забыл. (Встаёт)

Белоштан прячется под стол.

Гитаев: Степан, успокойся.

Белоштан (выглядывая из-под стола): Какого тебе хера? Какого тебе хера надо, я спрашиваю? Чего ты до меня докопался?

Гитаев (спокойно): Бабу верни.

Белоштан: Ты не оборзел? У неё сын от меня.

Гитаев (улыбается): Да не ту. Каменную.

Белоштан: А. (Несмело вылезает из-под стола, держась за столешницу двумя руками и прижимаясь спиной к стене.) Ты из министерства культуры, что ли? Охрана памятников какая-нибудь? Сразу сказать не мог?

Гитаев: Я родственник.

Белоштан: Чей?

Гитаев: Неважно. Её.

Звук спущенной тетивы, свист невидимой стрелы; слышно, как она пробивает гипсокартон и застревает в нём, вибрируя. Белоштан ощупывает свою макушку и стену у себя над головой; там ничего нет, но на пальцах Белоштана остаются следы крови.

Белоштан (пытаясь скрыть ужас за деловитостью): Сейчас парням позвоню, пусть кран-манипулятор вызывают.

Сцена 11

Пустырь с гаражами и трансформаторной будкой; прямо на пустыре, безо всякого ограждения, стоит каменная баба — грубо вытесанное изваяние грудастой женщины. Её руки сложены на животе, в руках — чаша. Гитаев с незажжённой сигаретой во рту сидит на земле у подножья изваяния. В руке он держит откупоренную бутылку вина; его рубаха полурасстёгнута, на губах — еле различимая тень улыбки. У гаражей гоняют мяч Пацаны.

Гитаев вынимает из кармана латунную “Зиппо”, откидывает крышечку, чиркает, несколько секунд смотрит на трепыхающийся огонёк, подносит его к сигарете. Медленно, вдумчиво затягивается, выдыхает сизые струйки через ноздри и рот; он весь похож на живую курильницу, из которой поднимается к небу жертвенный дым.

Истрёпанный футбольный мяч ударяет в живот каменной бабы; толкаясь, подлетают Пацаны, хватают мяч и уносятся с гиканьем.

Гитаев: Сердце варвара кто измерит?

Конец